

* * *

Из каждой линии жизни растёт цветок:
Сорвавший узнает значенье беды бездонной.
По каждому стеблю бежит восходящий ток –
Не рви.

Касайся.

Касайся моих ладоней.

* * *

Там, где дрожала рябь,
Раны затянет соль.
Лучше не проверять.
Распознаю лицо.
Опознаю себя:
Соль затянула, да.
Там, где лежала рябь,
Смело бежит вода.
Опознавай меня
Там, где увидишь рябь.
Если и проверять –
Только нырять. Нырять.

* * *

Трапедия полусвета неправильней тьмы и нас,
Полутьма статичней стены,
на которой рисует Клио.
Сон идёт, благосклонный к тебе
в непривычный час,
Мимо меня и всего остального – мимо.
Мне – тактильно смотреть, едва замечая, как
Возвращаются мысли твои домой,
где былым-было.
Славлю, благословляю: щека, щека,
Губы – сбиваюсь – губы ещё раз – лоб.

* * *

Строки бросали в реки,
Реки бросали в камни,
Камни бросали в окна,
Стекла в стихи бросали –
И собирайте сами
Капли разбитых речек,
В стёклах разлитый вечер,
Ранен любой, кто встречен.
Ну, а иначе как?
Главное – кто-то вечен.
– Господи, кто-то вечен?
– Кто-то из тысяч вечен...
Жертвы – постыдный факт.
Тот, кто остался вечен,
Встречных обнял за плечи,
Стекла достал из речек
И сотворил Слова.

* * *

Там весна просыпается россыпью рос,
Ностальгично бредёт к реке.
Распускается вишня и много солнц –
Можно быть собой и никем.
Здесь костры фонарей прожигают труд
Проживать темноту ночей.
И беззвёздные люди в ночи плывут:
Кто-то – чей-то, никто – ничей.
Под ногами – пропасть: земную брешь
Не заметил, кто небо ткал.
Остаётся последняя из надежд –
Нить, ведущая на вокзал.
Там появится, бросивший город-сад,
Кто-то близкий, пока ничей:
Солнце в сумке и ягодный аромат,
Бледно-розовый на плече.

Если говорить о Вселенной,
то сразу
теория Большого взрыва,
расчёты Хокинга,
пустота,
разрушительная сила.
Даже где-то на обрыве проскользнёт Бог,
но исчезнет за ненадобностью.
Всё эфемерное отмечается
безжалостно, категорично
(мы же разумные люди!).
Поэтому говорим не «за жизнь» на кухне,
а о Жизни,
о её рождении:
эволюция, Дарвин, бульон.
И Он
даже не рискует появляться на горизонте:
А вы – говорите, танцуйте, пойте,
философствуйте о назначенье пустот,
пока тот,
кому не оставили места
ни в учебниках, ни в себе,
вас будет беречь от бед.
Если говорить о любви,
то все умные слова недоумённо переглядываются
и трусливо сбегают,
говоря «моя хата с краю,
решайте сами,
мы к этому отношения не имеем»,
и, когда мы несём ахинею,
несуветную чушь
мелем,
пытаясь объяснить то, что не испытали,
Бог мудро молчит
и хранит тайну.
Если говорить о тебе,
то здесь и Вселенная со всем спектром звёзд,
и гигантские шары на бильярдном столе неба,
которые когда-нибудь закатятся в лунку,
прихватив Луну и все остальные
непутёвые спутники,
и сгинут в пустоте, из которой произошли.
И на любом языке
vivere, leben, live
не возникнет непонимания.
Остаётся только: «Поймай меня
и держи»,
потому что в каждом застывшем моменте –
жизнь.
Даже это дрянное, бестолковое,
необъяснимое слово
становится вроде бы ничего.
И тогда,
будто дождавшись момента,
внутри появляется Бог.

Стаканное состояние.
Это когда хочется совершенно случайно –
с края стола.
Впиться самым неприметным осколком
кому-нибудь в ступню.
Но держишь себя в руках,
воображаемых,
чьих-то.
Сражаешься гранями со светом –
Все говорят: «Как красиво блестит»,
а ты уже из последних сил.
Электропроводность,
вопреки законам физики,
зашкаливает.
Заряд, тоже вопреки, со знаком минус.
Как ни трись о шёлк.
Стаканное состояние –
это когда наполовину.
И уже бы с ума сошёл.
Но ты – стакан.
С отпечатками,
что портят прозрачность,
но придают реалистичности.
А за этой заляпанной оболочкой –
однородная консистенция ничего.
Кто-то умудряется видеть глубокий смысл.
Смешные,
смешанные
с чем-то и кем-то люди.
«Дзинь»,
разнящееся,
роднящееся с дзен.
Тебе никогда не воспроизвести
даже подобия чистого звука.
Ты – стакан.
Один из.

* * *

Устремиться дроблёным потоком
да в сушь земли,
Замереть, не коснувшись,
вдохнуть и уйти в моря.
По голодной земле ползёт безобразный блик,
Будто можно хоть что-то бликами измерять.
Если можно, то расстояние – минус свет,
Топчущаяся очередь зим без вёсн.
Если и нужно жестом сказать «привет»,
То занёсший руку забудет, зачем занёс:
Для того, чтоб подать/поставить ненужный знак,
Для удара или умения доверять.
Выбор намного проще. И просто так
Он, замерев, не коснётся. Уйдёт в моря.

* * *

Лес танцует, движется, извивается,
Порываясь то к солнцу, то от него.
Но не верят ему. И не верит, бывает, сам,
Что живёт. Находя оправдание в «с'est le vent».
Музыка идёт трещинами подкорово.
Лес не может противиться и препятствовать ей.
Он болезненно-рьяно бросается в танец –
так здорово,
Что нет никого здоровее, счастливее и живей.
Птицы бросают гнёзда, боясь неистовых
Деревяшек, сходящих с ума под ритм.
Расходясь и встречаясь, сплетаясь,
слипаясь ирисово,
Танцевали они, не дойдя всего шаг до зари.
Люди очнулись. Схлынуло наваждение.
И один за спичками судорожно полез...
На обгоревшей табличке: «За ограждение
Не заходить! Там – танцующий лес».

* * *

*Придёт смерть, и у неё
будут твои глаза
Ч. Павезе*

*Смерть придёт, у неё
будут твои глаза
И. Бродский*

Смерть не придёт легко:
Слишком избит исход.
Будет сидеть как под
Пенкою молоко.
Будет грозить сбежать
Белой волной в огонь,
Бросит дежурно: «Жаль,
Что мне не стать родной».
Кто говорил, что смерть
Страхов и душ черней,
Счастлив был не узреть
Суток, что вечерей
Самых глухих часов
Запертого на жизнь:
«Ты поиграй часок,
только не тронь ножи».

Смерть не придёт: пока
Важными занята.
Скоро начнёт светать,
Щёлкнет курок замка.
Бесцеремонно в зал,
Будто в свой дом вор,
Некто войдёт, у него
Будут Её глаза.

Камень Бларни*

В беспросветность её увлекает многоголосье гор:
То ли ангелы расппеваются, то ли зловещий хор
Призывает сквозь слух бессонницы, ничего
Конкретно не говоря.
Так проходит
Шесть
Новолуний
Подряд.
На седьмой исхудавший месяц она покидает дом,
Отвечая на Голос, что был неведом,
а впрёдь – ведОм.
Дом, нутром и изнанкой не чующий в ней свою,
Как проклятье, бросает:
«О тебе не вспомнят и не споют».
Но она – ни полслова, как стала совсем нема.
Ей бы тех, кто в ночи, а не воздух
процеженный обнимать.

Ей бы с ними остаться – пусть
Голос тревожащий изведёт.
Но от них, как ожог, – «у-хо-ди».
И она идёт.
Гладит звёзды по свету и спутники по оси.
Голос, звавший в скитанья, осёкся, ослаб, осип.
Он, должно быть, ошибся
Новолунием,
Именем,
Этажом.
Млечный Путь до неё исхожен и искажён.
Пылевое облако вьётся,
гудит космогенный вокзал,
И ей не у кого спросить и некому рассказать.
Голос вовсе исчез,
будто скорбно ошибку признав,
Даже звёзды ручные скатились на дно канав.
И тогда возвращается, чтоб себя поделить
на ноль.
Только камень, звавший через вселенную
Звучной волной,
Восстаёт перед ней иллюзорен,
недосягаем и угловат.
И она отбивает о землю колени,
Чтоб целовать,
Целовать,
Целовать.

*Камень Бларни, – Камень Красноречия возле замка Бларни в Ирландии. Согласно легенде, тот, кто поцелует камень, обретет дар красноречия.